

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-147-168

© М. Л. Спивак

**«СВОРА ИМЕН»:
ОТ ЮБИЛЕЯ Н. В. БУГАЕВА (1900) К ЧЕСТВОВАНИЮ КОРОБКИНА
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)**

Сцена чествования профессора-математика Ивана Ивановича Коробкина — одна из наиболее ярких в романе «Москва» (1926).¹ Многочисленные коллеги, студенты, да и просто почитатели отмечают его научные заслуги, но делают это так, что чествование превращается в издевательство над юбиляром и в откровенную для него муку. На скромного Ивана Ивановича, чувствующего себя в парадной обстановке неловко и ведущего себя крайне нелепо, выливается бурный и нескончаемый поток глупейшего, экзальтированного славословия. А потом и вообще начинается «беснование, гавк голосов, щелк ладоней, протоп каблуков, разрыв глаз». Толпа с криком «Гип–гип, — ура!» подхватывает испуганного юбиляра и, надевая его «пинками и даже щипками», тащит «по лестнице, вниз — на руках, перебрасывая в руки с рук: с непочетом»: «...он, дико вращая глазами, с промятой манишкой, мотаясь вихрами, с усилием выпростал ногу (за левую крепко держали), и ей опираясь в ступени, — преглупо скакал: на одной ноге — вниз, отбиваясь другою (носком и коленом)» (МПУ, с. 72–73).

Сцена юбилея — комедийна и пародийна. Но она — комедийный и пародийный пролог к завершающей первый том «Москвы» трагической сцене пыток Коробкина,² прямо отсылающей к сцене распятия Христа. Сцена чествования также приобретает библейский масштаб, библейское измерение. Как подчеркивает сам Белый, юбилейное действо — это «скорей бичевание, чем прославление», оно превращается в «мистерию „Страсти Коробкина“».³

Выглядит это прославление-бичевание одновременно и смешно, и страшно, даже пугающе: в черновых записях к роману Белый определил его как «дикий гротеск»,⁴ в окончательном тексте — похожим «на бред в стиле Брегеля» (МПУ, с. 78).

В. Ф. Ходасевич, жестко «Москву» раскритиковавший, тем не менее, очень точно определил, как Белый создает этот эффект: «...бесконечное множество каких-то фантомов, пронсящих по страницам романа, — фантомов шушукающихся, подглядывающих, предупреждающих, доносящих, творящих дикости. Бог весть куда и зачем проносятся здесь уроды и маски с дикими именами и неправдоподобными ухватками: карлик Кавалькас, Кавалеввер, генерал Ореал, Цецерко-Пукиерко, мадам Миндалянская, мадам Эвихкайтен, Айвазулина, Бабзе, Ветмашко, Глистирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослаббнев, Олябыш, Олессерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Упшло, Федерцерцер, доцент Лентельпель и т. д.»⁵

«Я выписал лишь немногие имена, не все», — поясняет Ходасевич, но показательно, что большая часть этих «диких» гротескных имен (начиная с Айвазулиной) — из сцены чествования Коробкина. Упомянуты в этой сцене и реальные лица, известные

¹ Белый А. Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926. С. 60–75. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: МПУ, с указанием номера страницы.

² В книге это конец первой главы «Москвы под ударом». Но согласно первоначальному замыслу, как следует из автографа, сданного для перепечатки в издательство «Круг» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32), чествованием Коробкина должна была заканчиваться третья, предпоследняя глава первого тома «Москвы».

³ Кожевникова Н. А. Евангельские мотивы в романе А. Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 493–504 (Проблемы исторической поэтики; вып. 5).

⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 201.

⁵ Ходасевич В. Ф. Аблеуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Сост., вступ. статья, комм. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 750. У Белого в романе «Фердерцер».

и не очень известные деятели науки и культуры, которые также «проносятся» перед читателем, «не вмешиваясь в ход событий и на него не влияя». «В хороводы призраков <...> врываются имена исторические», что, опять-таки по справедливому замечанию Ходасевича, только увеличивает «фантазмагорию». ⁶ Именно на такое восприятие романа рассчитывал, как кажется, и Андрей Белый, предупреждая (в заметке «Вместо предисловия»), что, с одной стороны, «первая и вторая часть романа («Московский чудак» и «Москва под ударом») суть сатиры-шаржи», а с другой — что «„Москва“ — наполовину роман исторический». ⁷

Задачи данной статьи: проанализировать историческую подоснову описанной в романе сцены чествования главного героя и сопоставить реально бывшие события с их художественным отражением и преобразованием; вычленив «имена исторические», затесавшиеся «в хороводы призраков», и объяснить, почему их «носители» оказались на юбилее; рассмотреть персонажей «с дикими именами и неправдоподобными ухватками» с точки зрения их прототипов и в их связи с исторической подосновой.

«Отчествовать „Математический Сборник“»

Сцена чествования Коробкина основана не просто «на реальных событиях», но на одном конкретном, причем неплохо документированном событии — торжественном заседании Московского математического общества, состоявшемся 21 марта 1900 года в физической аудитории Московского Императорского университета.

Читателя романа готовят к грядущему празднеству (в романе оно происходит в 1914 году) загадя. За тягостным обедом жена профессора Василиса Сергеевна бросает реплику: «Вам, говорят, бенедикс приготовили?» Профессор отвечает с присущей ему скромностью: «И не мне, в корне взять: двадцатипятилетие празднует „Математический Сборник“... Я тут ни при чем...» (МПУ, с. 46). Еще ранее становится известно, что Коробкин — и автор, и редактор этого издания; об этом он сам рассказывает подосланному немцу, интересующемуся его судьбоносным открытием: «...профессор заметил, что он, вероятно, к вопросу вернется и выскажется подробней по этому поводу в „Математическом Вестнике“ — в мартовской книжке (не ранее) <...> — Знаете, книжечки желтые — «Математический Вестник»... Да, да: редактирую — я...». ⁸

«Математическим вестником» Белый ошибочно называет журнал и в «Московском чуде», и в драме «Москва», ⁹ и в мемуарах «На рубеже двух столетий». ¹⁰ «Книжечки желтые» — это, конечно, «Математический сборник», старейший математический журнал в России, издававшийся с октября 1866 года (и издающийся поныне) Московским математическим обществом, работавшим (и работающим поныне) при Московском университете. Московское математическое общество возникло сначала как кружок единомышленников, собиравшихся ежемесячно с сентября 1864 года на дому у знаменитого математика Н. Д. Брашмана. «16 марта 1866 года было решено обратиться к властям с прошением об официальном утверждении общества и в начале 1867 года оно было утверждено Императором». ¹¹ Отец Андрея Белого математик Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) — а именно его биографией наделен в романе «Москва» математик Коробкин — присоединился к кружку после возвращения в 1865 году из за-

⁶ Там же.

⁷ Белый А. Московский чудак. Первая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926. С. 7.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Белый А. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комм. и публ. Т. Николеску. М., 1997. С. 98.

¹⁰ Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989. С. 59. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: НР, с указанием номера страницы.

¹¹ Демидов С. С. «Математический сборник» в 1866–1935 гг. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 1996. Вып. 1 (36). № 2. С. 132. Подробнее см.: Демидов С. С., Токарева Т. А. Московское математическое общество: фрагменты истории // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2003. Вып. 8 (43). С. 27–48.

граничной научной командировки и стал одним из его первых действительных членов. В Уставе Общества он назван в числе тринадцати его членов-учредителей.¹² В 1869 году Бугаева избрали секретарем, в 1886-м — вице-президентом, в 1891 году — президентом Общества.¹³ На президента (должность была пожизненной) возлагались и обязанности ответственного редактора «Математического сборника». Как автор же Н. В. Бугаев печатался в «Математическом сборнике» регулярно, начиная с самого первого выпуска 1866 года. «Он становится одним из основателей Московского Математического общества и журнала „Математический Вестник“; председателем первого и редактором второго состоял он в ряде лет», — отмечал Белый в мемуарах (НР, с. 59).

Причиной торжества в романе названо то, что «двадцатипятилетие празднует „Математический Сборник“».¹⁴ В мемуарах же говорится о «юбилее Математического общества, превратившемся в чествование отца» (НР, с. 435, также на с. 61). Однако ни двадцатипятилетия «Математического сборника», ни юбилея Математического общества в 1900 году не было. Двадцатипятилетие журнала осталось далеко в прошлом (в 1891 году), как и двадцатипятилетие Математического общества. Оно пышно отмечалось, но не в 1892 году, как положено, если отсчитывать с даты официального утверждения, а на два года позже.¹⁵ В 1896 году по этому поводу была выпущена специальная брошюра, наверняка имевшаяся в домашней библиотеке Бугаевых. Возможно, отсюда и неточность Белого.¹⁶

На самом же деле «21 марта 1900 года в физической аудитории Московского Университета состоялось торжественное заседание Московского Математического Общества по поводу выхода в свет двадцати томов издаваемого Обществом журнала „Математический Сборник“».¹⁷ Каждый том, за исключением первого, состоял из четырех книг-выпусков со сплошной нумерацией, а выходили книги в зависимости от возможности их финансирования. То есть в какой-то год могли издать все четыре выпуска, но чаще публикация тома растягивалась на два или три года. Юбилейный XX том начали печатать в 1897 году (1-й выпуск), а закончили (4-й выпуск) в 1899 году. Само же празднование перенесли на начало следующего года.

В том, что юбилей журнала превратился в бенедикт Н. В. Бугаева, была дополнительная немаловажная мотивировка. В 1865 году Бугаев был избран доцентом по кафедре чистой математики, так что в 1900 году вместе с выходом XX тома «Математического сборника» отмечалось и 35-летие его научной деятельности, что подчеркивалось в приветствиях.

Белый присутствовал на этом мероприятии (НР, с. 61, 425), наверняка оно обсуждалось в семье, и наверняка Белый был знаком с теми поздравительными материалами и подарками, которые отец принес тогда из университета домой. Не исключено, что Белый проглядывал эти материалы и при их передаче в библиотеку и архив Московского университета (часть — после смерти Н. В. Бугаева в 1903 году, часть — после

¹² Устав Московского математического общества (28 января 1867 года) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. С. 52 (раздел «Правительственные распоряжения»); Устав Московского математического общества. М., 1904. С. 1.

¹³ См. прим. А. В. Лаврова к мемуарам «На рубеже двух столетий» (НР, с. 475).

¹⁴ О «двадцатипятилетии» говорится и в драме «Москва», см.: *Белый А.* Москва. Драма... С. 106.

¹⁵ См. Протокол заседания [Московского математического общества] от 9 января 1894 года: «9 января 1894 года Московское Математическое Общество в соединенном заседании с IX Съездом русских естествоиспытателей и врачей праздновало двадцатипятилетие своей деятельности. Хотя двадцать пять лет со дня основания Московского Математического Общества исполнилось на самом деле ранее, именно 28 января 1892 года, но Общество отложило празднование двадцатипятилетия до предстоявшего в Москве Съезда, чтобы дать большому числу русских математиков принять в празднике личное участие» (Математический сборник. 1896. Т. XVIII. № 1. С. V).

¹⁶ Двадцатипятилетие Московского математического общества (1867–1891): Протокол заседания 9 января 1894 г. М., 1896.

¹⁷ Заседание Московского математического общества 21 марта 1900 года: [Протокол] // Математический сборник. 1900. Т. XXI. № 3. С. 537. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: МСб. 1900, с указанием номера страницы.

смерти матери Белого Александры Дмитриевны в 1923 году).¹⁸ В «Математическом сборнике» был напечатан и подробный протокол заседания Математического общества от 21 марта 1900 года (МСб. 1900, с. 537–578). Иными словами, сочиняя сцену чествования Коробкина в романе, Белый помнил и/или знал, что происходило в действительности, и сознательно что-то отбирал, что-то отбрасывал, добавлял и придумывал.

Так, сцена чествования начинается со смещения Коробкина с поста председателя, что — это подчеркивается — вопиюще нарушает сложившийся порядок: «...обычно он вел заседания; он — был заседанием: решал, открывал, заседал; сообщал — только он; все иные, присутствующие в „Математическом Обществе“ — только молчали: сегодня он был отстранен от всего (Млодзиевский взял в руки его); дело ясное, — да-с, — что предмет заседания — он; в этом случае сам соблюдал отстранение; держался „предметом“ <...>» (МПУ, с. 62).

Однако в протоколе заседания отмечено, что оно проходило «под председательством президента Общества Н. В. Бугаева» и «было открыто <...> речью президента Общества Н. В. Бугаева». В речи говорилось о значении математики в современном мире, о целях и успехах Математического общества, о тех задачах, которые Обществу предстоит решать в будущем.¹⁹ «После речи Н. В. Бугаева секретарем Общества были провозглашены имена <...> лиц, избранных к настоящему заседанию в действительные члены Московского Математического Общества» (МСб. 1900, с. 537–542). Затем знаменитый механик, профессор Николай Егорович Жуковский (1847–1921) представил пространный доклад «Аналогия между двумя задачами механики». Далее шел не менее пространный доклад-обзор профессора Николая Алексеевича Умова (1846–1915) «Современное состояние физических теорий», а затем профессором, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук (с 1914 года) Витольдом Карловичем Цераским (1849–1925) «было сделано сообщение „Астро-фотографические работы Московской обсерватории“» (МСб. 1900, с. 542–569). И лишь по окончании этих трех выступлений Жуковский «обратился к Н. В. Бугаеву с следующими словами»:

«Многоуважаемый Николай Васильевич!

Когда прошло осенью поднялся вопрос об ознаменовании выпуска двадцати томов Математического Сборника особым, торжественным заседанием, то среди Московских членов нашего Общества сама собою возникла мысль о чествовании на этом заседании Вас, как президента Общества и ученого, неутомимая деятельность которого неразрывно связана с жизнью Математического Общества с самого его основания.

Эта мысль встретила горячее сочувствие наших иногородних членов и многих ученых учреждений. Были получены адреса и приветствия, обращенные к Математическому Обществу и к Вам лично.

Извиняемся, что мы все это дело от Вас скрывали, зная, что Вы всегда уклонялись от всякого личного чествования, и просим Вас покорнейше выслушать наши приветствия» (МСб. 1900, с. 569–570).

Затем шли выступления коллег, вручавших Бугаеву «адресы», а после «секретарем были прочитаны телеграммы, присланные по случаю настоящего торжественного собрания». Возможно, были и еще какие-то поздравления, со сцены или в кулуарах, но их следов не сохранилось. «В заключение заседания президент Н. В. Бугаев высказал глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, почтившим его выражениями своего сочувствия и внимания» (МСб. 1900, с. 557).²⁰

¹⁸ Архив Н. В. Бугаева находится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (далее — ОРКиР), ф. 41. Фонд был описан Н. Т. Тарумовой в 2006 году; благодарю ее за ценные консультации.

¹⁹ Во вступительной речи Н. В. Бугаева много внимания было уделено прошлому юбилею, двадцатипятилетию Московского математического общества, что также могло запомниться Белому.

²⁰ См. заключительную речь Н. В. Бугаева: МСб. 1900, с. 577–578. В романе Коробкин по-разному выступать, но председательствующий не дает ему это сделать (МПУ, с. 68). Зато в драме Коробкину слово предоставляется (*Белый А.* Москва. Драма... С. 109–111).

Кратко поздравительную часть этого заседания описал в мемуарах о Н. В. Бугаеве его ученик математик Л. К. Лахтин: «Неожиданно для Николая Васильевича члены Общества подготовили к этому дню чествование его как своего президента. Большинство присутствовавших в многолюдной зале были ученики Николая Васильевича. В произнесенных речах, в присланных со всех концов России приветствиях и телеграммах от различных учреждений, обществ и лиц было высказано признание заслуг Николая Васильевича, всеобщее к нему уважение, горячая любовь к нему его учеников».²¹

«За адресом — адрес»: главные участники двух юбилеев

В романе «Москва» Белый полностью пренебрег научной частью торжественного собрания, остановившись лишь на чествовании героя. Однако эту финальную часть он передал с такой исторической точностью, как будто держал перед глазами в качестве шпаргалки мемуары Лахтина, Протокол собрания и материалы отцовского архива. Впрочем, главным подспорьем Белому в работе была, конечно, его феноменальная память. Порой путаясь в мелких деталях или ими демонстративно пренебрегая, он передавал суть происходящего.

Многие участники и гости юбилея профессора Н. В. Бугаева попали на юбилей профессора Коробкина под своими именами и в той роли, в которой они выступали в 1900 году на чествовании своего коллеги.

Так, например, заседание в романе открывает Болеслав Корнелиевич Млодзиевский (1858–1923), математик, профессор Московского университета, друг Н. В. Бугаева: «Млодзиевский, пропятясь крахмалом и докторским знаком, таким перевертышем сел рядом с ним в белоцвет из груди, обрамленных блистательно фраками <...>. И рукой со звонком произвел он курбет, приглашая к вниманию зал: он приветствовал „Сборник“ в лице основателя сборника» (МПУ, с. 66–67). Затем идет «веер приветствий» (на них остановимся позже), часть которых Млодзиевский зачитывает (МПУ, с. 68–70). Затем «фраком вильнув и схватясь за звонок, Млодзиевский закрыл заседание» (МПУ, с. 72).

Почему обязанности председательствующего Белый возложил именно на него? Случайно выбранный коллега-математик? Отнюдь нет. В те годы Млодзиевский был Секретарем Московского математического общества и именно как Секретарь проявлял в ходе заседания заметную и, видимо, запомнившуюся Белому активность. Так, в протоколе собрания отмечено, что Секретарем Общества «были прочитаны телеграммы, присланные по случаю настоящего торжественного собрания» (МСб. 1900, с. 577). То же и в романе: «Млодзиевский хотел исчерпать бесконечный поток телеграмм (после каждой — шлеп, гавк)» (МПУ, с. 70).

«На реальных событиях» почти полностью основан эпизод вручения поздравительных адресов, хотя некоторые моменты, если сопоставить романное описание с архивными и печатными материалами, можно и уточнить: «Тотчас же встал с очень нервным закидом свисающей пряди волос Тимирязев <...>; говорил он от „Общества естествоведения“; сзади топтались с адресом в папке, — Крометов и Суперцев; „Общество антропологии и этнографии“ было представлено носом Анучина; „Общество распространения технических знаний“ дуоко стояло профессором Умовым, а „Инженерное Общество“ нудилось где-то Жуковским; все три делегации плачем, дуоцием, носа защемом хотели почтить» (МПУ, с. 67).

Профессор Московского университета Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920), биолог, естествоиспытатель, был действительно председателем биологического отделения «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (с 1863-го по 1867 год называлось «Общество любителей естествознания»). Однако на бенефисе Н. В. Бугаева он выступал в ином качестве — им был преподнесен и зачитан адрес «От товарищей по факультету» (МСб. 1900, с. 572–773).²² В этом адре-

²¹ Лахтин Л. К. Николай Васильевич Бугаев (биографический очерк). М., 1904. С. 16.

²² ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243. Под адресом стоит 23 подписи.

се обращает на себя внимание странное обращение к юбиляру — «Глубокоуважаемый товарищ, Николай Васильевич!». Не исключено, что от этого обращения Белый отталкивался, когда рисовал в романе другого, вымышленного участника мистерии, Шепенева, который «ругательским лаем грозил юбиляру: <...> Товарищ, друг, брат!» (МПУ, с. 68).

Выступление Тимирязева особенно запомнилось Белому. Оно единственное было не только упомянуто, но подробно и с благодарностью отмечено в мемуарах «На рубеже двух столетий»: «...я не забуду профессора Тимирязева на юбилее Математического общества, превратившемся в чествование отца; он читал ему адрес; и в этот акт силу сердечности внес, когда голос его задрожал, и он рывом, бросаясь как бы, его подал отцу» (НР, с. 432). И еще раз, там же: «...не забуду, с какой сердечностью К. А. Тимирязев читал ему адрес в день юбилея Математического общества, ставшего его юбилеем <...>» (НР, с. 61).

Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), географ, этнограф, археолог, антрополог, профессор Московского университета, академик (1896), в 1890–1922 годах действительно был президентом «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» и в этом смысле Общество представлял. Однако никаких упоминаний о специальном адресе от Общества, им поднесенном, обнаружить не удалось. Зато его имя — в числе подписавших зачитанный Тимирязевым адрес «От товарищей по факультету».

А вот упоминавшиеся выше Н. А. Умов и Н. Е. Жуковский действительно выходили на сцену. Правда, Умовым был прочитан адрес не от «Общества распространения технических знаний», одним из организаторов которого он являлся, а «От Императорского московского общества испытателей природы» — в качестве Президента этого общества. А Жуковский преподнес адрес не от «Инженерного Общества» (скорее всего, имеется в виду Московское Политехническое общество, основанное в 1877 году при Императорском Московском техническом училище; его членом состоял Жуковский), а «От физического отделения общества любителей естествознания» (МСб. 1900, с. 573–574).²³

Важно отметить, что и Млодзиевский, и все стоящие в очереди на чтение поздравительного адреса, — не только коллеги, но и друзья Бугаева, все они были хорошо знакомы Белому с самого детства, а потом многие стали еще и преподавателями Белого в период его учебы на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. И все они — герои не только романа «Москва», но и мемуаров «На рубеже двух столетий». Пересечения между их романскими и мемуарными характеристиками бросаются в глаза.

Например, во внешности Д. Н. Анучина в романе акцентированы две детали: «выдающийся» нос и сходство с лисом: «„Общество антропологии и этнографии“ было представлено носом Анучина»; «...маленький ростом Анучин с лицом лисовато-протецким, с лисичьими глазками, морща свой лобик, хватался за нос <...>» (МПУ, с. 63). В мемуарах портретных деталей больше, но главными остаются те же, что и в романе: «...Анучин — все седенький до желтизны, размохростый, с огромнейшим *носом*, но с маленьким лобиком, плачущим той же морщиной, в то время как рот под усами седыми до... желчи оранжевой цвел той же *лисыего вида улыбочкой*; <...> по волосяному покрову, по козьей бородке — вполне дряхлостнеем козлище, очень спокойно копытце влагающее в сюрточок, чтобы, из бокового кармана платочек доставши, схватиться за *мясо могучего сизого носа*, навислины очень достойной; „ан фас“ — *хитрый лис*; профиль же козерожий; <...>; при приближении фасом повернут он был: *добродушной, лукавой-лукавой, улыбочкой: лис — лис ласковый*, а не козел» (НР, с. 425; курсив наш. — М. С.).

Млодзиевский в сцене чествования Коробкина перемещается по залу «бегушком», «летунчиком» и даже садится в кресло «перевертышем» (МПУ, с. 62, 66). Но и в мемуарах подчеркивается, что он «был — *вертуном, непоседой*», «не ходил, а — *носился, вертясь и припрыгивая*» (НР, с. 77; курсив наш. — М. С.).

²³ Там же. Ед. кр. 226, 246.

Тимирязев в романе подносит юбиляру поздравительный адрес, танцуя: «Тотчас же встал с очень нервным закидом свисающей пряди волос Тимирязев, держась за палку (удар был полгода назад); его встретили: гаки и бешеный плеск; стеганул, раздавая прыжком звонковатого голоса, — ярким приветствием, быстро бросаясь бородкой, рукою и грудью, как некогда *ловкий танцор перед „па“ <...>*» (МПУ, с. 67; курсив наш. — М. С.).

Так же, как «ловкий танцор», двигается Тимирязев и в мемуарах, где его выразительный портрет Белый рисует с опорой на студенческие воспоминания, ведь Тимирязев читал ему лекции по анатомии и физиологии растений на первом курсе университета: «Я им любовался: взволнованный, нервный, с тончайшим лицом, на котором как прядала смена сквозных выражений, особенно ярких при паузах, когда он, вытянув корпус вперед, а ногой отступая, *как в па менуэтном*, готовился голосом, мыслью, рукою и прядью нестись на при-взвизге, — таким прилетал он в большую физическую аудиторию, где он читал и куда притекали со всех факультетов и курсов, чтоб встретить его громом аплодисментов и криков: влетов в сюртуке, обтягивающем тончайшую талию, он, громом встреченный, бег обрывал и отпрядывал, точно *танцор* перед его смутившею импровизацией тысячного визави в сложном акте свершаемой эвритмии <...>» (НР, с. 430; курсив наш. — М. С.).

Правда, выступая на юбилее Н. В. Бугаева и читая лекции Бугаеву-студенту, Тимирязев еще не «держался за палку». Эта подробность («удар был полгода назад») — своего рода анахронизм; она взята из позднейшей биографии ученого. Кровоизлияние в мозг, парализовавшее руку и ногу, произошло в 1909 году. Примечательно, что и эта вставленная в роман деталь в мемуарах раскрыта и, можно сказать, прокомментирована: «Позднее удар с ним случился. В 1910 году мы встречались в демьяновском парке, где жили как дачники; он в коляске сидел в тени лип, иль прихрамывал, опираясь на палку <...>. В 1917 году я опять с ним встречался, в Демьянове же, где еще Тимирязевы жили; он двигался лучше <...>» (НР, с. 432–433).

Здесь важно отметить, что роман писался раньше, чем воспоминания «На рубеже двух столетий» (Белый работал над ними в 1929 году),²⁴ и, судя по указанным пересечениям, может рассматриваться как подготовительная платформа для мемуаров, в которых предельно лаконичные романтические характеристики московской профессуры будут развернуты и дополнены.

Лица без маски и профессура «под прикрытием»

Но вернемся к роману.

Как отмечала Н. А. Кожевникова, «антимир Белого заключен в границы реального мира, которые оказываются, однако, зыбкими и легко переходимыми». «Эта зыбкость сознательно подчеркнута», в частности, тем, что на протяжении всей сцены чествования Коробкина персонажи, пришедшие на юбилей под своими фамилиями, смешиваются с носителями фамилий вымышленных. И часто они «сталкиваются в пределах одной строки».²⁵ Так, в уже рассмотренном эпизоде вручения поздравительных адресов в группу московских ученых с мировой известностью затесались, подобно Бобчинскому и Добчинскому, некие «Крометов и Суперцев», которые «сзади топтались с адресом в папке».²⁶ Их фамилии снова появятся в сцене юбилея — в ряду

²⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.

²⁵ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 231. Эта работа заложила основу для дальнейшего (в том числе и нашего) изучения и развития темы.

²⁶ Белый упомянул в романе не все преподнесенные Н. В. Бугаеву поздравительные адреса и, соответственно, не всех, кто выходил с ними на эстраду. Так, например, торжественная часть заседания открывалась адресом «От членов Московского Математического Общества» (МСб. 1900, с. 570–572; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 239, 243). Его зачитал хорошо знакомый Белому Павел Александрович Некрасов (1853–1924), вице-президент Математического общества (с 1903 года — президент), ученик Бугаева, сделавший, к его неудовольствию, административную карьеру

персонажей-фантомов, введенных в повествование исключительно для создания масовости и гротескной атмосферы: «У двери — всемерная бежность: проход на эстраду, где, к стенке прижавшись, стояли магистрики; профессора выплывали квадратами: Суперцов, Видитев, Ябов, Крометов, Мермалкин, Орпко, фон-Зоалзо; и — прочие; приват-доценты летели меж ними, построив косые углы» (МПУ, с. 66).

Про этих профессоров и приват-доцентов никакой информации не сообщается, мы знаем только их вымышленные фамилии. Однако в ряде случаев Белый дает носителям придуманных фамилий такие детали биографии, которые позволяют или точно определить их прототипы, или хотя бы предположить, чьи черты использовались при создании образа.

Вот, например, три профессора обсуждают, как увековечить имя юбиляра: «Физиолог растений Люстаченко (гербаризировал двадцать пять лет) с Щебрецовым шептался в углу: говорил, что хотели — ей-ей — в гидравлическом прессе системы Дави назвать винтик ответственный — „винтик Коробкина“; и утверждалось, что Павлов, геолог, в штрихе „гиперстена“ найдя что-то новое, новое это принес, чтоб отметить „Коробкинский день“ <...>» (МПУ, с. 62–63).

Шутка о прессе «системы Дави» настраивает на то, что фантазиен и весь пассаж. Но нет. Геолог, нашедший «в штрихе „гиперстена“» «что-то новое», — реальное лицо. Это Алексей Петрович Павлов (1854–1929), палеонтолог, профессор Московского университета, академик (1916). Белый знал его сначала как друга отца, а потом, будучи студентом, у него учился (НР, с. 234–238). «Внутренне-строгий к другим, еще более строгий к себе, — он прекрасно, дельно, конкретно читал нам лекции по геологии (исторической и динамической) над принесенным им в аудиторию ящиком горных пород <...>», — вспоминал Белый (НР, с. 237). В романе Павлов ведет себя так же, как и в мемуарах: ведь гиперстен — одна из тех горных пород, которая могла быть в принесенном им в студенческую аудиторию ящике с камнями. На юбилее Бугаева он должен был непременно присутствовать. Ведь его подпись стоит под адресом «От товарищей по факультету».²⁷

О Щебрецове неизвестно ровно ничего, кроме вымышленной «растительной» фамилии (щебрец — то же, что чабрец, чобр). А вот за вымышленной фамилией «физиолога растений Люстаченко», который «гербаризировал двадцать пять лет», можно узнать вполне реального ученого, Ивана Николаевича Горожанкина (1848–1904), знаменитого ботаника, директора Ботанического сада Московского университета и, естественно, профессора. Знаменитых ботаников в Московском университете было много, однако ботаник, прославившийся прежде всего работой с гербариями, — только Горожанкин. Еще в 1870-е он стал заведующим гербариями Московского университета и Московского общества испытателей природы и с тех пор приводил в порядок, систематизировал и описывал эти богатейшие коллекции. И наконец, он сам вместе со студентами на протяжении многих лет «гербаризировал» в Московской

(в 1893–1898 годах — ректор Московского университета, в 1898–1905 годах — Попечитель Московского учебного округа). Если Белый его не упомянул, то не потому, что забыл, а так как не захотел. Кто зачитывал адрес «От Киевского Физико-Математического Общества», остается неизвестным (МСб. 1900, с. 575; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 245). А вот адрес «От Казанского Физико-Математического Общества» (МСб. 1900, с. 574; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 240) прочитал Леонид Кузьмич Лахтин (1863–1927), доктор чистой математики (1897), профессор Московского университета, преданнейший ученик Н. В. Бугаева, «скромный, тихий, застенчивый, точно извечно напуганный, точно извечно оскопленный» (НР, с. 85). «От Константиновского Межевого Института» (МСб. 1900, с. 575–576; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 244) адрес прочитал Георгий Николаевич Шебуев (1850–1900), математик, геодезист, приват-доцент Казанского университета (1879), с 1893 года — инспектор классов Константиновского межевого института. В мемуарах Белого он не упоминается. Есть соблазн увидеть в Суперцеве и Крометове Лахтина и Шебуева, однако по «остаточному принципу» прототипы все же определять опасно. Точнее было бы сказать, что Суперцев и Крометов — те выступавшие с поздравительными адресами, кого Белый не запомнил или не захотел наделять именами и чертами биографии, указывающими на конкретный прототип.

²⁷ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243.

губернии, на берегах Оки, в Крыму и в других местах, сделав при этом массу открытий относительно флоры исследуемых регионов.²⁸ Его уникальными личными гербарными сборами также впоследствии пополнилась коллекция Московского университета.

Горожанкин, как и другие названные выше участники юбилея, был не просто коллегой, но другом и частым гостем дома Бугаевых: «Жуковский, Павлов, <...> Ануцин, <...> Умов, Горожанкин <...> и прочие, прочие, прочие из стаи славной роились вокруг меня <...>», — вспоминал Белый (НР, с. 41). На торжественном заседании в 1900 году он был и в качестве друга юбиляра — его подпись стоит под адресом «От товарищей по факультету», и в качестве вице-президента (с 1894 года) Императорского московского общества испытателей природы — его подпись стоит и под этим адресом, после подписи президента Н. А. Умова. Оставил Горожанкин свою подпись (третий раз!) и под адресом «От физического отделения Общества любителей естествознания», преподнесенным Н. Е. Жуковским.²⁹

Среди тех ученых, которые также «увенчали присутствием» юбиляра, названы два персонажа с явно говорящими фамилиями: «бактериолог Бубонев и Штернберг, астроном». Фамилия бактериолога вымышленная, но логично вымышленная: произведена от названия болезни³⁰ — бубонной чумы, вызываемой бактерией *Yersinia pestis*. Фамилия астронома также кажется вымышленной. Как и фамилия бактериолога, она говорящая: «Stern» в переводе с немецкого — звезда («Berg» — гора). Однако ее носитель — реальный человек, Павел Карлович Штернберг (1866–1920), с 1888 года — ассистент Астрономической обсерватории на Красной Пресне, с 1890 года — приват-доцент, с 1913 года — профессор Московского университета. В 1916 году он возглавил Краснопресненскую обсерваторию, которой в 1920 году было присвоено его имя. Белый видел Штернберга «в 1890 или 1891 году», когда профессор В. К. Цераский пригласил его с матерью посмотреть на звездное небо. Тогда их в обсерватории встретил Штернберг, в то время «помощник» Цераского, «впоследствии профессор астрономии, деятельный большевик и деятельный боец в Октябрьские дни» (НР, с. 240). В 1900 году Штернберг был еще только приват-доцентом, и слова ему, скорее всего, не давали. Однако есть все основания полагать, что он присутствовал в зале. Напомним, что после вступительной речи Н. В. Бугаева Секретарем Общества, то есть Б. К. Млодзиевским, «были провозглашены имена <...> лиц, избранных к настоящему заседанию в действительные члены Московского Математического Общества». Среди тех, кто удостоился этой чести, назван «Павел Карлович Штернберг» (МСб. 1900, с. 542). Белый мог его узнать и запомнить.

И бактериолог, и астроном пришли на заседание не с пустыми руками, а с подарками-открытиями, выглядящими одновременно и комично, и символично: «...последний поднес юбиляру открытое только пред этим светило, — не „альфу“, не „бэту“, не „дельту“ и даже не „эпсилон“: звездочку „каппа“»,³¹ которой и дали название „каппа-Коробкин“; а бактериолог Бубонев поднес юбиляру бактерию „Нинам Коробкиниэнзем“; она представляла собой разновидность известного вида уже „Нина Грацилис“ <...>» (МПУ, с. 70–71).

Оба подарка невозможно увидеть простым глазом: для звезды нужен телескоп, для бактерии — микроскоп. По этому принципу они и противопоставлены: как возвышенное и низменное, как бесконечно далекое, но маящее, и — как ничтожно малое, нутряное и отвратительное. Перед Коробкиным встает проблема выбора — выйти, раскрыться в космос или, наоборот, отгородиться от мира, замкнувшись в малом миреке, подобном кишечнику таракана: «Сиял в отстоянии тысячи солнечных лет <...>»:

²⁸ Алексеев Л. В., Колесник Е. В. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). М., 1998. С. 81–89, 108–111 (разделы «Ботанический сад Московского университета», «Флористические исследования. Гербарий»).

²⁹ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед хр. 243, 226, 246.

³⁰ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 258.

³¹ Каппа — десятая буква греческого алфавита. В названиях звезд греческая буква обозначает их яркость (самая яркая — альфа).

то — счет километрам меж брэнной землей и меж „каппа-коробкинским“ миром. С другой стороны, надо было суметь ограничить себя тараканьим кишечником, чтоб оценить обладание „*Нина Коробкиензис*“, водящейся в оном; профессор не мог прожить в тараканьей кишке; и не мог ничего предпринять в своем „каппа-коробкинском“ мире <...>» (МПУ, с. 71).

Как ни странно, но у подарка реального астронома Штернберга связь с реальной подосновой меньшая, чем у подарка бактериолога Бубонева, кажущегося, на первый взгляд, фигурой вымышленной. *Nina gracilis* существует, хотя это не бактерия, но одноклеточный, простейший организм отряда грегаринов, специфических паразитов, населяющих преимущественно кишечники насекомых (в том числе помянутых Белым тараканов), членистоногих (например, сколопендровых), иглокожих, кольчатых червей и других беспозвоночных. Известно более 1800 описанных и зарегистрированных грегаринов, но предполагается, что на самом деле их во много раз больше. Этим паразитам посвящена обширная научная литература.

Более того, Белый лично «встречался» с «Нина Грацилис» в период учебы в университете у знаменитого зоолога Николая Юрьевича Зографа (1851–1919). В отличие от других названных выше профессоров, Зограф оставил по себе у Белого дурную память, так как «принципиальных работ,двигающих науку, профессор терпеть не мог»: «...подход мой к предмету — теоретический; интерес к фактам — тоже; Зограф, крохобор, теорий не выносил <...>» (НР, с. 383). Научное крохоборство Зографа проявлялось в его требованиях к ученикам: «...не нужно домьслов; прокрасть себе усик лет шесть; „материалы“ к естественнонаучному изучению будут; открытий — не надо <...>» (НР, с. 397). Белый с раздражением вспоминал, что Зограф «усаживал на годы за исследование окрасок кишечников таракана»: «Кто сидел над окраскою „Нина грациенс“, паразита, водящегося в кишечнике таракана? Никто; коли напугал, — тебя не проверят; с выводами неудобно: подымется полемика; вздумают проверить ошибки твои, скандалающие „школу Зографа“» (НР, с. 397).

Как кажется, запомнившийся со студенческих лет кишечный паразит, подаренный Коробкину бактериологом Бубоневым, дает основание увидеть в дарителе профессора Зографа, тем более что он имел непосредственное отношение к чествованию Бугаева: подпись Зографа стоит под адресом «От товарищей по факультету».³²

Приводит Белый на юбилей своего героя и представителей гуманитарных наук, отмечая, что «среди „точных“ ученых терялись „неточные“: Л. М. Лопатин и Г. И. Олесерер» (МПУ, с. 65). Здесь опять фамилия реального лица соседствует с фамилией вымышленной. Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — философ, психолог, профессор Московского университета. Бугаева и Лопатина связывали не только дружеские отношения, но и многолетняя работа в Московском психологическом обществе с самого момента его основания в 1885 году. В 1889 году Лопатин стал его Председателем; Бугаев же был не просто активным членом Общества, но одним из его учредителей.³³ В этой связи на юбилее Коробкина Белый не случайно определил Лопатину место среди тех представителей науки, которые к началу мероприятия «уже на эстраде сидели». Как следует из протокола заседания, последним в череде адресов было «произнесено приветствие» «От Московского Психологического Общества». Зачитано оно было «председателем его профессором Л. М. Лопатиным» (МСб. 1900, с. 576).³⁴ О том, что Белый прекрасно об этом помнил, свидетельствуют ранние черновики романа: в них это выступление поставлено сразу после выступлений Жуковского, Анучина, Умова, Тимирязева и специально оговорено, что «Лопатин блистал, представляя собой делегацию от Общества Психологического».³⁵

³² ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243.

³³ *Ждан А. Н.* История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885–1922): К 125-летию юбилею МПО // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 35.

³⁴ Текст этого выступления, видимо, не был оформлен в поздравительный адрес и потому не сохранился: он не приведен в протоколе заседания, и его нет в архиве Н. В. Бугаева.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 204.

Через несколько лет после юбилея, 16 марта 1904 года, Лопатин выступит на торжественном заседании Математического общества, посвященном памяти друга, с обстоятельной речью «Философское мировоззрение Н. В. Бугаева».³⁶ Не исключено, что и эту речь мог иметь в виду Белый, когда высмеивал в романе славословие в адрес Коробкина-философа: «Казалось, что <...> брошюрочка „Метод“, в которой профессор едва обронил две-три шаткие мысли, есть вклад в философию. Если б так было! Но было — не так» (МПУ, с. 68; ср. у Лопатина: «Покойный Николай Васильевич изложил свои философские взгляды в очень немногих и коротких очерках и набросках»).

Сосед Лопатина — малосимпатичный философ с вымышленной, но национально маркированной фамилией Олессерер и столь же национально маркированным именем Гитман Исаич. Белый достаточно подробно излагает его философские подходы,³⁸ указывает на очень определенные, уникальные черты его внешности («лицо оквадратил») и детали биографии. Так, например, сообщает, что Олессерер «женат был на дочери брата Кассирера» (МПУ, с. 64). Первоначально в автографе давался и портрет его жены, весьма отвратительный, но он был вычеркнут: «...тыщечек прически супруги Олессерера — меньше чела; чело — меньше лица, а лицо — меньше шеи, которая зобом терялась в грудях импозантных; а груди тонули — в расталии; эта последняя — в бедрах; супруга квадратного мужа собою являла квадрат, иль — дугу: четверть круга». А сообщение о родственных узлах с Эрнстом Кассирером (1874–1945) имело продолжение, тоже вычеркнутое: «с этим последним дружил». Упоминание о Кассирере, кстати, тоже еврее, снабжено в книге лаконичным примечанием: «Германский философ»; в автографе чуть более развернуто: «Немецкий философ школы Когэна».³⁹

Все указывает на то, что у Олессерера должен быть конкретный прототип, но его пока не удается обнаружить. Впрочем, биографическим характеристикам отчасти соответствует Дмитрий Осипович Гавронский (1883–1949), «философ-когэнианец и социалист-революционер»: «еврей (настоящее имя Меер Ошеревич), близкий друг Эрнста Кассирера и, как и Кассирер, ученик немецкого философа, главы Марбургской школы неокантианства Германа Когэна (1842–1918). Белый познакомился с Гавронским в Дорнахе в марте 1915 года⁴¹ и тесно общался в октябре, когда в Глионе писал «Котика Летаева»: «Много брожу по горам; часто выдаюсь с Гавронским, живущим в „Les Avans“».⁴² Там же Белый встречался и с женатым на сестре Гавронского (А. О. Гавронской) Ильей Исидоровичем Фондаминским (1881–1942), общественным

³⁶ Вскоре после произнесения она была опубликована дважды: в журнале «Вопросы философии и психологии» (1904. Кн. 72 (II). С. 172–195) и в «Математическом сборнике» (1905. Т. XXV. № 2. С. 270–292).

³⁷ Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 72 (II). С. 195; Математический сборник. 1905. Т. XXV. № 2. С. 292.

³⁸ «Олессерер площадь сознания разбил на квадраты наук, иль — кварталы; и в каждом поставил квартального: здесь стоял Дарвин; там — Кант; и — показывал палочкою: „от сих пор — до сих пор“; умерял циркуляцию мысли квартальным законом («от сих» и — «до сих»); когда мыслил Олессерер, — переменил он кварталы: здесь — звездное небо; там — максима долга; его мировоззрение не было, собственно, „мировоззрением“, — адресной книгой участка, где каждый прописку имел; здесь прописан был Дарвин; там — Кант; на вопрос, что есть истина, он отвечал себе: „Мысль в таком направлении — то; мысль в эдаком — это!“ Был враг прагматизма; боролся с Бергсоном и Джемсом: „Помилуйте, — хаос сплошной!“ Все ж, — Бергсон мыслил хаос, пускай хаотически; Гитман Исаич Олессерер люто боролся с прочтением чего бы там ни было, с уразумением чего бы там ни было; читывал он лишь прописки в участки *того* или *того* факта, в принципе невятного; строгость логических функций его был отказ от попытки: помыслить» (МПУ, с. 63–64).

³⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 139.

⁴⁰ Белый А. Материал к биографии // Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурсы к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. С. 208. Благодарю за указание на эту фигуру Н. С. Плотникова и А. И. Резниченко.

⁴¹ Там же. С. 208. Также: Белый А. Ракурсы к дневнику // Там же. С. 418.

⁴² Там же. С. 421. Les Avans — городок неподалеку от Глиона.

деятелем, публицистом, издателем, членом ЦК партии эсеров.⁴³ Возможно, Белый не смог разобраться в родственных узлах разветвленных еврейских кланов и просто перепутал, кто с кем дружил и на чьих сестрах был женат?

При этом важно оговорить, что философские взгляды Гавронского никак не совпадают с взглядами Олессерера. Быть может, Гавронский здесь вообще ни при чем (да и не испытывал Белый к нему таких негативных чувств, как к Олессереру). Возможно, Олессерер — собирательный образ, соединивший в себе те черты, которые Белый не любил в философии вообще, а в еврейской философии и в евреях в особенности. Ведь наделил же он друга детства Коробкина профессора Задопятава чертами сразу двух либеральных профессоров-филологов — Н. И. Стороженко и Алексея Н. Веселовского, а также приписал ему все пороки, которые видел в профессорском окружении отца.

Почтенных московских ученых Белый «разбавляет» суетливым японским математиком Исси-Нисси, считающим себя учеником Коробкина. Он приезжает из Нагасаки и заявляется домой к Коробкину, чтобы познакомиться со своим кумиром (МПУ, с. 25–33), а оказавшись на юбилее, прорывается на эстраду, чтобы передать поздравления от своих соотечественников: «В узком фраке, прилизанном к узкому телу, летком пробежал Исси-Нисси, застряв под эстрадою в первых рядах, и, бочком проюркнувши, исчез в центре их; вновь привыюркнул и — на эстраду взвился, точно ласточка, взвевая развилочки фалд; и — шептались:

— Вот...

— Где?..

— Исси-Нисси.

— Японский ученый!

— Известный ученый!

А Исси уже на эстраде сисикал:

— Си-си... С Нагасака плисла телегламм...

— Си-си-си...

— С Нагасака плофессолы все...

— Ишикава, Конисси!.. Си-си... Катаками!..

— Я есть Исси-Нисси. Вот кто!» (МПУ, с. 64–65).

Комизм образа Исси-Нисси, от начала и до конца вымышленного, строится прежде всего на его речевой характеристике. Японец коверкает русский язык (вместо «Япония» у него получается «Жапан», вместо «земля» — «элда» — МПУ, с. 31) и постоянно «сисикает». Имена японских ученых, названных в выступлении Исси-Нисси, так органичны в потоке его сисиканья, что кажутся вымышленными и подобранными прежде всего по звуковому подобию: «— С Нагасака плофессолы все... — Ишикава, Конисси!.. Си-си... Катаками!..»; «— Я есть Исси-Нисси» (МПУ, с. 65, 25). А вместе с тем все трое — реальные люди, хотя и не имевшие отношения к юбилею Н. В. Бугаева (и, вопреки утверждению Исси-Нисси, никак не связанные с городом Нагасаки).

Тиёмату Исикава (Ishikawa Chiyoatsu; 1861–1935) — японский биолог, зоолог, ихтиолог; первый последователь и пропагандист теории Дарвина в Японии.⁴⁴

Масутаро Конисси (1862–1940) — японский русист, принявший в молодости православие (в крещении Даниил Павлович / Петрович), выпускник Киевской духовной семинарии и Московского университета, профессор университета в Киото, с 1892 года

⁴³ «...там вижусь с Фондаминским <...>» (Там же. С. 421).

⁴⁴ Ранее, характеризуя Исси-Нисси, Белый отметил, что его «имя гремело во всех частях света <...> громчей Ишикавы», и сопроводил первое упоминание Ишикавы примечанием: «Известный японский биолог» (МПУ, с. 26). Непонятно, чем Исикава (Ишикава) был Белому известен. Возможно, приверженностью к теории Дарвина или своими открытиями. Но возможно, и громким скандалом, связанным с закупкой в конце 1900-х для зоопарка Уэно, в котором он был тогда директором, двух жирафов, первых в Японии. Так как стоимость экзотических животных превышала бюджеты всех зоопарков, а купить их очень хотелось, Исикава написал в сопроводительных документах, что это не жирафы, а цилини (китайские единороги), занимающие в восточной мифологии место рядом с драконом и фениксом. Впоследствии обман раскрылся, Исикава был уволен, но в японском языке цилинь и жираф до сих пор обозначаются одним словом.

действительный член Московского психологического общества, переводчик на русский язык Конфуция и его последователей; автор журнала «Вопросы философии и психологии».⁴⁵ В его переводах юный Белый знакомился с китайской философией: «...мой „теософские“ настроения получают пищу <...> переводами из книг „Тао-Те-Кинг“ Лао-Дзы и „Серединю и постоянством“ Конфуция; все мной прочитано в „Вопросах Философии и Психологии“» (НР, с. 337).⁴⁶ В мемуарах «Между двух революций» «японец Конисси упоминается как «переводчик отрывков Лао Тзе <...>, знававший отца».⁴⁷ Очевидно, что Бугаев и Конисси были связаны именно по работе в Московском психологическом обществе, а значит, его имя в ряду приветствующих юбиляра Коробкина вполне уместно.

А вот Нобуру Катаками (1884–1928) — ученый из другого поколения. Н. В. Бугаев ничего о нем слышать не мог, да и Катаками вряд ли что-то знал о профессоре Бугаеве. Зато с Белым Катаками был знаком. Японский славист, переводчик, основатель отделения русской литературы в университете Васэда в Токио (1920), он жил в Москве с ноября 1915-го по март 1918 года и активно вращался в литературных и литературоведческих кругах, общаясь с разными людьми: с П. Н. Сакулиным, С. А. Венгеровым, Н. К. Пиксановым, К. Д. Бальмонтом, Ю. И. Айхенвальдом и др., в том числе и с Андреем Белым.⁴⁸ Одну из своих бесед с ним Катаками пересказал в книге «Действительность в России» (Токио, 1919), написанной после возвращения в Японию; там же он отметил, что Белого «уважал» и что с ним перед отъездом попрощался.⁴⁹ Катаками ненадолго приехал в Россию и в 1924–1925 годах, как раз когда Белый работал над романом «Москва». Тогда они не встречались, но о том, что японский ученый вернулся, Белый мог от кого-то прослышать и по старой памяти вставить его имя в роман.

По точному выражению Н. А. Кожевниковой, в романе «Москва» «удостоверяется реальность вымышленного и ставится под сомнение реальность реального».⁵⁰ На протяжении всей сцены юбилея придуманные фамилии маскируются под реальные, а иногда, наоборот, реальные кажутся придуманными. Оба типа смещения представлены в эпизоде оглашения поздравительных телеграмм. Так, «прочли от сенатора Кони, Веснулли, от Артура Вхорчера, от Мака-Драйда, от Поля Буайе, Ильи Мечникова, Николая Морозова; не перечислишь <...>» (МПУ, с. 70).

А. Ф. Кони, И. И. Мечников, шлиссельбуржец Николай Морозов не просто реальны, но и легко узнаваемы. В какой-то степени это может относиться и к известному французскому филологу-слависту Полю Буайе.⁵¹ А это создает впечатление, что и другие

⁴⁵ См.: Маслов К. С. Между Востоком и Западом: член Московского психологического общества Даниил Павлович Конисси (1862–1940) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 251–260.

⁴⁶ Упоминаются: «Тао-те-кинг» Лаоци / Пер. с китайского Д. П. Конисси // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 23 (3). С. 380–408; «Средина и постоянство». Священная книга последователей Конфуция / Пер. с китайского с прим. Д. П. Конисси // Там же. 1895. Кн. 29 (4). С. 382–403.

⁴⁷ Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 400.

⁴⁸ Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии / Отв. ред. Л. Л. Громковская. М., 1989. С. 38–47; Ота Дзётаро. Андрей Белый в Японии: восприятие и переводы // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017. С. 398–412.

⁴⁹ См. перевод фрагмента об Андрее Белом из книги Катаками в статье Ота Дзётаро: «В отношении не только работ последних лет, но и успехов, ожидаемых в будущем, Андрея Белого надо считать самым достойным внимания среди сравнительно молодых, современных литераторов. Белый — соединение поэта, философа, критика и романиста; он сейчас пишет философские статьи. Старался составить собрание своих сочинений, но не получилось по вине издательства и вышли в свет только два тома» (Ота Дзётаро. Андрей Белый в Японии. С. 398–399).

⁵⁰ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 231.

⁵¹ С Полем Буайе (1864–1949), директором Парижской школы Восточных языков, часто бывавшем в России, Белый неоднократно встречался и когда был ребенком, и в 1906 году в Париже: «...лет семнадцать назад Поль Буайе жил два года в Москве, изучая язык и бывая у нас, Стороженков и многих ученых <...>» (Белый А. Между двух революций. С. 164; также: НР, с. 333).

упомянутые в том же ряду лица (Веснулли,⁵² Артур Вхорчер, Мак-Драйд) имеют профессию, биографию, даты жизни, что не так: они вымышлены.⁵³

С другой стороны, среди вымышленных фамилий авторов восторженных телеграмм прячется, маскируясь под придуманную, фамилия вполне реального лица. Между Ложечкиным, Блошкиным, Ивотевым и Куроводовым вставлен знаменитый французский математик и политик Поль Пенлеве (Панлеве; Painlevé; 1863–1933), отправивший поздравление (felicitation) из французской столицы (Десятый округ Парижа).⁵⁴ Из общего ряда персонажей-фантомов он выделен лишь тем, что вызвал «гром приветствий», что естественно — поздравление от столь крупной фигуры в науке должно было восприниматься с восторгом: «„В радостный день юбилея приветствуют — Ложечкин, Блошкин“. „В высокаторжественный день шлю привет с пожеланием многих трудов юбиляру. Махориер-Порцес“. „Луганск. Гаудеамус. Ивотев“. „Влоградец. Коробкину — слава! От брат, славянин, Ярошилль“. „Париж. Десять. Фелиситатион. Панлеве“ (гром приветствий). „Калуга: Веди к недоступному счастью того, кто надежды не знал. Инженер Куроводов“» (МПУ, с. 70).

Кстати, эпизод с зачитыванием поздравлений тоже отчасти основан «на реальных событиях» или, точнее — на впечатлении от «реальных событий». Стопка телеграмм — из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Харькова, Киева, Варшавы, Тулы, Нижнего Новгорода, Пензы — сохранилась в архиве Н. В. Бугаева.⁵⁵

В них будет обычный для поздравлений избыточный пафос. Так, телеграмма от «Отделения физики и химии Варшавского общества естествоиспытателей» заканчивается восклицанием «Да дружно идет на Руси научная работа и в будущие годы». А слова про служение «науке и дорогому нашему университету» повторяются многократно.

Будет и некоторая доля нелепости. Например, в поздравлении от гимназии, которую Н. В. Бугаев заканчивал: «Московская первая гимназия сохраняя на вечные времена Ваше имя как отличного ученика выпуска 1855 года с особым чувством шлет Вам в настоящий день свое приветствие как дань уважения ныне чувствуемой высоко полезной научной и педагогической деятельности Вашей. Директор Гобза».

Однако в целом тексты телеграмм не абсурдны, а, скорее, шаблонны; они вполне соответствуют жанру. И тем не менее все вместе они вызывают оторопь. Вот лишь некоторые образцы:

«Поздравляю Математическое общество поздравляю маститого председателя желаю продолжения плодотворной деятельности на многие годы — Шеффер»;

«В нынешний торжественный день, дозвольте глубокоуважаемый Николай Васильевич пожелать Вам от всего сердца долголетнего процветания на пользу науки, на славу родного Вам университета и математического общества. Сердобинский»;

«Вследствие тяжелой и опасной болезни сына в заседании быть не могу. Прошу передать уважаемому учителю сердечное приветствие и пожелание здоровья благоденствия на многие годы — Андреев»;

«Приветствую математическое общество с 35-летним юбилеем и желаем ему дальнейшего процветания маститого президента Николая Васильевича нашего дорогого и уважаемого учителя поздравляем с истекающим 35-летием его профессорской деятельности да продолжится она еще многие годы на пользу и славу нашего отчества — директор Иванов, преподаватель Десятковский»;

⁵² В фамилии Веснулли обыгрывается фамилия знаменитой семьи швейцарских математиков Бернулли. Якоба Бернулли (1655–1705) Белый упоминает среди тех, кто составляет «созвездие ярких, славных имен, восходивших над Базелем» в «Кресе жизни» (Пб.: Алконост, 1918. С. 63). Коробкин будет рассказывать о нем во втором томе «Москвы», в романе «Маски».

⁵³ Аналогичным образом доминируют реальные имена в другом пассаже из сцены юбилея Коробкина: «...поздоровался с Суперцовым, с Тарасевичем, Львом Александровичем, с Узвисом; маленький ростом Анучин <...> хватался за нос <...>; но задержался с Олессерером» (МПУ, с. 63). Реальный Анучин, реальный Тарасевич (1868–1927) создают впечатление, что реальные и соседствующие с ними носители вымышленных имен.

⁵⁴ Как политик (он дважды, в 1917-м и в 1925 году был премьер-министром Франции) Пенлеве еще появится в романе «Маски».

⁵⁵ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 247.

«Приветствуем многочтимого президента с славным юбилеем сердечно желаем продолжения прежней плодотворной деятельности на многие многие годы — Зинин, Зилов, Делоне, Вороной, Анисимов».

Кто эти люди без указания профессии и места работы? Непонятно, какое отношение они имеют к юбиляру... У них нет ни имен, ни даже инициалов, точно так же, как у многочисленных персонажей-фантомов, участвующих в чествовании Коробкина.

Конечно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что подписи под поздравлениями поставили известные и уважаемые люди. Наверняка многие из них были знакомы Н. В. Бугаеву и другим членам Математического общества.⁵⁶ Но вот сыну юбиляра фамилии отправителей телеграмм (а под каждой телеграммой стоит чаще всего несколько подписей), по-видимому, уже ничего не говорили, и потому их авторы могли казаться сбежавшей со всех концов страны «сворой имен»... что и было обыграно в романе.

В наибольшей степени впечатление «своры имен» производят подписи под поздравлениями от учеников Н. В. Бугаева. От них пришло несколько телеграмм. Одна подписана аж восемнадцатью фамилиями.⁵⁷ И еще был зачитан адрес «От студентов-посетителей заседаний Московского Математического Общества», под которым стоит более сотни фамилий, самых разнообразных, простых и затейливых, по-разному национально окрашенных, но равно незнакомых. Даже если представить, что на чествовании присутствовали и стремились прорваться к юбиляру только подписанты этого адреса, то уже и их достаточно для образования толпы, способной в восторженном порыве растерзать героя бенефиса, превратить прославление в бичевание. Конечно, фамилии студентов под поздравительным адресом не столь выразительны, как фамилии гостей юбилея, сконструированные воображением Белого, но все вместе (фамилии занимают две страницы, на каждой — по два плотных столбца) они создают впечатление фантазмагорического.⁵⁸

Если же сложить все поздравления, и адреса, подписанные фамилиями московских профессоров, и телеграммы от «неведомо кого», то получится то же смешение имен, на котором построена сцена юбилея в «Москве»: имен реальных, знакомых автору романа с детства, и имен совершенно незнакомых, кажущихся вымышленными.

«Список чудовищностей»: реальность вымысла

Количественное соотношение в сцене юбилея фамилий вымышленных и реальных — в пользу вымышленных. Вымышленных — чуть более пятидесяти. Реальных чуть менее двадцати. А если учесть, что многие вымышленные фамилии повторяются несколько раз, то очевидно, что именно они и создают атмосферу «дикого гротеска», напоминающую «бред в стиле Брегеля». Белый своим словотворчеством (или — «имятворчеством») гордился, считая, что это, как он объяснял Иванову-Разумнику, — «упражнение со звуками», направленное на то, чтобы, установив связь с празыком,

⁵⁶ В Протоколе, опубликованном в «Математическом сборнике», дали перечень телеграмм, «присланных по случаю настоящего торжественного собрания»: «1) от С.-Петербургского Математического Общества, 2) от Харьковского Математического Общества, 3) от отделения физики и химии Варшавского Общества Естествоиспытателей, 4) от профессора Казанского Университета А. В. Васильева, 5) от профессора Московского Университета К. А. Андреева, 6) от профессора Московского Технического Училища А. И. Сидорова, 7) от профессоров Варшавского Университета П. А. Зилова, Н. Н. Зинина, Н. Б. Делоне, Г. Ф. Вороного и В. А. Анисимова, 8) от директора Пензенского Землемерного Училища В. Е. Сердобинского, 9) от группы преподавателей Московских гимназий, 10) от профессора Московского Университета В. А. Шеффер, 11) от Московской первой гимназии, 12) от группы преподавателей Нижегородского реального училища, 13) от бывших учеников Н. В. Бугаева — П. И. Александровского, А. П. Модестова и М. А. Соколова, 14) от группы студентов Киевского Политехнического Института» (МСб. 1900, с. 577). В этом перечне часть отправителей «деанонимизировали» (прежде всего профессору), но большую часть «подписантов» предпочли просто не упоминать.

⁵⁷ Первая подпись в этом списке — «Федор Семенович Коробкин выпуска 1880 года». Скорее всего, совпадение фамилии главного героя «Москвы» с фамилией одного из подписантов поздравительной телеграммы — случайность. Но все же отметить это совпадение стоит.

⁵⁸ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 242.

при помощи его колдовской силы «омолодить <...> мертвое слово». Уже закончив первый том «Москвы» и готовясь приступить к работе над вторым («Маски»), Белый поделился своими «фамильными» достижениями, которые сам же назвал «списком чудовищностей»:

«Для шутки посылаю Вам список квартирантов одного дома с Табачихинского переулка <...> из 2-го тома „Москвы“ <...>: —

— Абакралова, фон Клаккенклипс, Кликотакин, Клопакер, Кекадзе (Иван), Кока Поков, Моавр, Индихинес, Маврулия Бовринчиксинчик, Паханций, Велес-Непещевич, Орловицова, Сидервишкин, Тарас Верливерко, Какгацкий, фон-Винзельт, Егор Гнидоедов, Воняй-Кизмет, фон Пудопад, Пепардина, князь Лужердинзе-Щербун-Двусерпянский, Зербадина, Жак Вошенвайс, Пеццен-Цвакке, Сергей Колзцов, Шмуль Лерович, Илкавин, Мамай-Алмамед, Милдоганин, Илья Неласетов, Тулпянская, Нил Галдаган, Милалайкис, Сергей Селелёньев, Липанзин, Хотлипина, Плитезев, Лев Подподольник, Гнильян, Ангелокос, Гортензия де-Дуроприче, Достойнис, Желдицкая, Юдалионов, Жевало-Бывало, Жижан-Дошан (Ян), Депрезоров, Иван Педерастов».⁵⁹

К фамилиям в первом томе и в особенности к фамилиям гостей юбилея писатель подошел с таким же экспериментаторским энтузиазмом. «Списком чудовищностей» рассказ о чествовании Коробкина начинается: «<...> там, на эстраде, в проходах — стояли, сидели, обменивались впечатлением, поклонами или протирали пенснэ, — Айвазулина, Бабзе, Ветмашко, Глестирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослаббнев, Олябыш, Олессерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Уппло, Фердерперцер и прочие, прочие — вплоть до Боговича: свора имен!» (МПУ, с. 60).

И — кольцевая композиция — прощанием с той же «сворой имен» рассказ завершается: «Опускались вниз, расходясь: Айвазулина, Бабзе, Вемашко, Глестирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослаббнев, Олябыш, Олессерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Уппло, Фердерперцер <...>» (МПУ, с. 75).

Это издевательски поданный «цвет российской науки»: «Из них каждое — „имя“, согбенное бременем лет, многотомных трудов, орденов и ученых дипломов, уже заключенное заживо в „Энциклопедию“ <...>» (МПУ, с. 60–61).

Представлены «имена» с нарочитым, тоже, можно сказать, с издевательским почтением: приходят, рассаживаются в алфавитном порядке и уходят друг за другом, по алфавиту. В такой последовательности они могли бы фигурировать в официальных документах или в словарях. Именно к рассчитанному на самый широкий круг читателей популярному «Настольному энциклопедическому словарю», выпускавшемуся товариществом «А. Гранат и К^о», отсылает Белый, чтобы подчеркнуть общероссийскую известность прибывших на юбилей ученых и общероссийское признание их научных заслуг (здесь — псевдопризнание и псевдонаучных заслуг).

О Пластальцеве в романе сообщается, что это ученый (специальность не уточняется), «лет десять сидящий в „Гранате“ <...> меж „пластрон“ и меж „Плантагенеты“» (МПУ, с. 61). Про научное светило с фамилией Шлюпуй говорится, что его не следует путать со «шлюпяком», хотя «в словаре у „Граната“ они оказались рядом» (МПУ, с. 61). Апельляция к словарю — очередная шутка Белого. «Плантагенеты, английская королевская династия (1154–1399)», в «Гранате» действительно отмечены небольшой заметкой.⁶⁰ Но ни пластрон (брюшной щит панциря черепахи или же деталь мужской одежды — фасон галстука, нагрудник), ни шлюпак (старый размокший гриб) словарных статей не удостоились, так же как и Пластальцев со Шлюпяком: они — плоды беловских языковых упражнений, вымышленные персонажи-фантомы.

⁵⁹ Андрей Белый, Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста и комм. Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 354. Письмо датировано первой декадой августа 1926 года.

⁶⁰ Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. 1915. Т. 32. Стб. 307–308.

В этом пассаже, в отличие от большинства рассматривавшихся выше, невымышленных фамилий вообще нет. В черновых материалах сохранились следы его отделки: неподходящие фамилии отметались или вычеркивались, их место занимали более выразительные. На отдельных страницах писатель записывал столбцами «фамильные» пробы, чтобы потом из них выбрать наиболее достойные и наилучшим образом между собой сочетающиеся образцы. Н. А. Кожевникова в «Заметках о собственных именах в прозе Андрея Белого» прослеживает механизм образования фамилий: «от имен исторических лиц, от названий зверей и птиц, насекомых (звериные маски), от названий народов и стран (национальные маски), от названий растений <...>, от названий частей человеческого тела, от обозначения человеческих качеств и отвлеченных понятий», «от названия болезней <...> и разного рода физиологических отклонений» и т. д.⁶¹ Однако, несмотря на то, что семантика ряда фамилий или легко узнаваема (Икавшев от икать, Харкалев от харкать), или может быть разъяснена с помощью обращения, например, к словарю В. И. Даля (олябыши — пирожки, олады), назвать эти фамилии говорящими нельзя. Они самодостаточны в своем гротескном уродстве и если на что-то указывают, так только на то, что носители этих «диких» имен сами под стать этим «диким» именам.

Биографии, которыми наделены некоторые из них, столь же фантастичны: «Хотя б — Айвазулина: женщина-стереохимик, взошедшая на Титикаку, сказавшая спич в Сантафэ-де-Боготе, надевшая около острова Пасхи скафандр и после едва не бежавшая с дон-Бордигере-Хуан-де-Петелло, министром бразильским; Глистирченко-Тырчин, прорезавший опухоль горла у вдовствующей кронпринцессы австрийской; Нахрай-Харкалев, путешественник, автор двухтомья „Цвай ярен мит антропофаген“, друживший с Ньям-Ньямами, съевший в Уганде засохшие уши убитых врагов негра Мбэбвы, ошибочно думая, что то — сухие грибы; а Капустин-Юпанчик (вот он — челюсть пятит к мадам де-Моргасько), он автор работы „Отчет по окраске плазмодиев осмиевым препаратом“ (три тома); Шлюпуй — <...> профессор и автор работы „О действии Леонтодон-Тараксакотум на сокращенье кишечника Лутра Вульгарис“; а Плачей-Пеперчик, известный в Германии, в Льеже? Досель в Гейдельбергском химическом техникуме стоит крик о „пепертишк'с титрирунген“» (МПУ, с. 61).

Эти подробности выглядят как не просто зрелый, но как перезрелый плод фантазии писателя. Ну что может быть, на первый взгляд, неправдоподобнее, чем людоеды «Ньям-Ньямы» и их друг Нахрай-Харкалев? А вместе с тем ньям-ньямы вполне реальны, это «народ нубийского племени в Центральной Африке», который «сам себя называет» народ Сандех, но «на языке соседнего народа динка известен под именем ниам-ниам, или ньям-ньям (т. е. обжоры, намек на людоедство)»: «...среднего роста, коренасты, мускулисты; голова круглая и широкая; лоб сверху суживается; нос вдавленный, прямой или с семитическим изгибом, но с плоским кончиком и широкими ноздрями; большие, далеко отстоящие друг от друга глаза миндалевидны и стоят несколько косо; губы весьма широкие. <...> Людоедство господствует повсеместно».⁶² В отличие от шлюпуй и пластрона, ньям-ньямам было отведено место в словарях, и в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (откуда взято процитированное выше определение), и в «Гранате»⁶³ (причем во много раз большее, чем Пантагенетам). Вполне реальное лицо скрыто и под отвратительной фамилией Нахрай-Харкалев. Путешественник и автор вымышленного труда «Zwei Jahre mit Anthropophagen» (нем.: «Два года с людоедами») — это Василий Васильевич (Вильгельм) Юнкер (1840–1892), знаменитый географ, первый русский исследователь Африки. Свои полные драматических событий экспедиции в земли Ньям-Ньям, обычаи, верования и культуру ньям-ньямов Юнкер описал в трехтомном сочинении «Reisen in Afrika» (Wien, 1889–1891). На него опираются авторы статей и в «Брокгаузе», и в «Гранате».

⁶¹ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 254, 256.

⁶² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1900. Кн. 28А (Т. 56). СПб., 1900. С. 256.

⁶³ Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. 1915. Т. 30. Стб. 265 — отсылка к статье «Санде» — [1917]. Т. 37. Стб. 209–210.

Однако и ньям-ньямов, и Юнкера Белый, побывавший в 1911 году в Тунисе и Каире, выучил не по словарям. Собираясь в путешествие, он интересовался работами исследователей африканского континента и, в частности, работами Юнкера. В «Африканском дневнике» Белый с гордостью подчеркивает, что Юнкер — «москвич», ссылается на него, ставит его в ряд с теми великими путешественниками, которые «нам дороги» («их труды, их отвага, их воля нам бросили свет на „Офейру“»), и даже не без восторга прослеживает маршруты его экспедиций, в том числе в «людоедские страны, Ньям-Ньям»: «Немного позднее наш Юнкер исследует реки Собат и извилистый Бахр-ель-Газаль (то притоки великого Нила); он в семьдесят девятом году пробегает впервые по странам Ньям-Ньям, и дойдя до водораздела между Нилом и Конго, исследует реку Уэлла, приток Конго, растянутую на тысячу километров; ее переходит; и — ходит по речке Непоко — притоку реки Арувими <...>; затем Юнкер правит свой путь до великого, нильского устья <...>».

Или: «...вся страна, распростертая к юго-западу от впадения Бахр-ель-Газала в Бахр-ель-Абиад, простирается в людоедские страны, Ньям-Ньям <...>, впоследствии ж углубился в них Юнкер на семь долгих лет».⁶⁴

Столь явную связь других обладателей этих гротескных имен и биографий с именами историческими обнаружить не удастся. Но все же, как кажется, можно говорить если не о прямой, то об ассоциативной переключке с некоторыми персонами, предположительно послужившими если не точными прототипами, то источниками фантазийных образов, стимулами к их созданию.

Первой в «своре имен» идет Айвазулина, наделенная столь невероятными характеристиками, что их стоит повторить: «женщина-стереохимик, взошедшая на Титикаку, сказавшая спич в Сантафэ-де-Боготе, надевшая около острова Пасхи скафандру и после едва не бежавшая с дон-Бордигере-Хуан-де-Петелло, министром бразильским».

Даже женщин-химиков в начале века было мало, русских женщин-химиков совсем мало, а те, что были, никак не похожи на явившуюся на юбилей Коробкина Айвазулину.

Черновики романа не приоткрывают ее тайну, но позволяют, как кажется, вычленивать костяк образа. В первоначальных набросках Айвазулина фигурирует как женщина-палеонтолог. Это, как минимум, означает, что ее специальность не так уж важна. После спича, произнесенного в столице Колумбии Сантафэ-де-Боготе, идет плохо читаемое пояснение, из которого следует, что «<нрзб.: некие (?)> сланцы не так уж богаты».⁶⁵ Возникает ощущение, что Богота возникла не как реальная биографическая деталь, а из-за переключки с «богаты»...

Восхождение на Титикаку (почему-то Белый упорно называет высокогорное озеро вулканом)⁶⁶ и погружение «со скафандрой» у острова Пасхи есть уже в первоначальных набросках, хотя, насколько нам известно, этими подвигами не только женщина-ученый, но и вообще никто из русских в начале века похвастаться не мог. А вот несуществующий бразильский министр, видимо, придумался позже.

Логика отбора гостей юбилея в романе подсказывает, что источником образа Айвазулиной должна быть не просто женщина-ученый, но знакомая с Н. В. Бугаевым и/или находящаяся в поле зрения Белого. И еще — это должна быть женщина, склонная к ярким эпатажным поступкам.

Этим параметрам, похоже, отвечает Анна Сергеевна Гончарова (1855–?) — известная русская последовательница Е. П. Блаватской, привившая Белому интерес к теософии и вовлекшая его в деятельность московских теософских кружков. Согласно

⁶⁴ *Белый А.* Путешествие по Средиземноморью / Сост. С. Д. Воронин. М., 2015. С. 428, 429, 432. Мбебва — достаточно распространенное африканское имя. Однако в «Африканском дневнике» это — дерево или кустарник: «...всюду мбебва дарит чернокожих плодами <...>» (Там же. С. 433).

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 202.

⁶⁶ См.: *Белый А.* 1) Офейра. Путевые заметки. Часть первая. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1922. С. 198; 2) Начало века / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 183.

мемуарам Белого, она была не просто единственной женщиной-ученым из близкого окружения Н. В. Бугаева, но его «любимицей» и «гордостью».

«А. С. Гончарова, любимица, даже гордость отца, утверждавшего: некогда он заинтересовал Анну Сергеевну вопросами психологии, да так, что она, поехав в Париж и окончив Сорбонну, стала доктором философии, была лично знакома с Шарко, с Рише и с Бутру; она, первая из женщин, взшла на Монблан; и после этого триумфа — явилась в Москву; часто бывала у нас <...>», — говорится в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (НР, с. 249).

В «Начале века» Гончаровой и ее кузену П. Н. Батюшкову посвящена целая глава, в которой повторены ее основные характеристики: «...первая из женщин взшла на Монблан; и первая из русских женщин стала доктором философии».⁶⁷

В «Материале к биографии» встреча «с вернувшейся из Парижа, где она жила много лет, Анной Сергеевной Гончаровой» описывается почти в тех же словах, что и в мемуарах: «...давние разговоры ее с папой пробудили в ней интерес к философии; она окончила в свое время Сорбонну и стала первым „доктором философии“ (из русских женщин); с той поры она годы жила исключительно интересами философии, психологии, будучи лично знакома с Ришэ, Бутру и Шарко; она потом вся ушла в интересы экспериментальной психологии, изучала книги по гипнотизму; вместе с тем она первая из русских взшла на вершину Монблана <...>».⁶⁸

Однако в «Материале к биографии» к двум ранее названным ее «первенствам» (восхождение на Монблан и докторская степень) добавляется еще и третье: «А. С. Гончарова <...> была одна из первых эмансипированных русских женщин».⁶⁹ Но и Айвазулина — эмансипэ, которой мог прийти в голову побег с «министром бразильским».⁷⁰

Научные специальности у Гончаровой и Айвазулиной разные, но все же обе они — обладательницы научной степени, почтенные доктора...

Женщина-ученый, «взошедшая на Титикаку» и «надевшая около острова Пасхи скафандру», должна была, по замыслу автора «Москвы», поразить читателя этими экстремальными увлечениями и достижениями. Но и Гончарова — женщина-экстремал, она тоже «взшла», пусть и не на Титикаку, а на Монблан, что, конечно, не так экзотично, но все же, по мнению Белого, — «триумф» (НР, с. 249).

Айвазулина в романе не только покорительница высот, но еще и покорительница глубин. В этой связи возникает вопрос, почти риторический: зачем, почему, для чего ей или вообще кому-либо захотелось бы надеть «скафандру» и погрузиться на дно океана вблизи острова Пасхи? Цель здесь могла быть только одна — поиск следов древней погибшей цивилизации, Лемурии или Атлантиды, в существование которых свято верила Елена Блаватская и ее последователи-теософы. Да и сам Белый был не чужд этим взглядам. Так, в «Москве» упоминаются «чудовищные изваянья <(> „морданы“ болванные <(> с острова Пасхи», «уроды гигантских размеров, расклабленные в пустоту, с двумя баками», представляющие собой «остаток культур допотопных, погибнувших некогда здесь» (МПУ, с. 163). «Циклопические монументы и монолиты на берегах озера Титикака» рассматривались Блаватской в том же ряду, что и другие следы исчезнувших культур и материков.⁷¹

⁶⁷ Белый А. Начало века. С. 66.

⁶⁸ Белый А. Материал к биографии. С. 66.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ В характеристике, данной Айвазулиной в драме «Москва», «министр бразильский» отсутствует (Белый А. Москва. Драма... С. 109). Кстати, любопытно, что в драме Белый представлял Айвазулину как «тощую даму» (Там же). В мемуарах она такой же комплекции: «тонкосухая, как палка» (Белый А. Начало века. С. 67).

⁷¹ См. работу Е. П. Блаватской «Land of Mystery» (1880), публиковавшуюся в основном ею журнале «The Theosophist» (см. № 6 (март), № 7 (апрель); <https://www.theosociety.org/pasadena/theosoph/theos-hp.htm>; перевод на русский: «Тайнственная страна»: <https://incamusic.narod.ru/latinorama/epb/epb.htm> (дата обращения: 31.10.2024)). В драме «Москва» «восхождение на Титикаку» не упомянуто, осталось только погружение «со скафандрой» «около острова Пасхи» (Белый А. Москва. Драма... С. 109). Из этого можно сделать вывод, что остров Пасхи важнее, чем Титикака.

Как следует из мемуаров Белого, его общение с Гончаровой делилось на два периода: период до ее увлечения теософией, когда еще «слова такого не было в лексиконе у Анны Сергеевны» (НР, с. 250), и период теософский. «В эпоху 1888–1892 годов»⁷² она была прежде всего гостьей и собеседницей отца и вела ученые разговоры на философские темы, но в начале 1900-х «вернулась в Москву — убежденнейшей теософкою, лично знакомой с Анни Безант, Ледбиттером и Паскалем (парижским теософом)».⁷³ Тогда, вспоминал Белый, Гончарова стала ему «явно <...> проповедовать теософию и восхвалять Блавадскую», а он «с жадностью выспрашивал у А. С. Гончаровой детали доктрины».⁷⁴ Можно предположить, что, отправив Айвазулину в теософски маркированные места, на Титикаку и остров Пасхи, Белый намекал не только на ее страсть к путешествиям и к спорту, но и на то, что она, как и Гончарова, смотрела на мир сквозь призму теософской доктрины Блаватской...

Следующий в списке почетных гостей — Глистирченко-Тырчин, «прорезавший опухоль горла у вдовствующей кронпринцессы австрийской». Кронпринцесса — лицо историческое. Это Стефания Бельгийская (Стефания Клотильда Луиза Эрмина Мария Шарлотта; 1864–1945), дочь короля Бельгии Леопольда II и вдова (с 1889 года) кронпринца Австрии Рудольфа. Сведениями о том, были ли у нее проблемы с горлом, мы не располагаем. Однако вымышленная фамилия врача, спасшего королевскую особу, — Глистирченко-Тырчин — указывает на клистир как на его рабочий инструмент.⁷⁵ А это наводит на подозрение, что медицинские манипуляции были связаны не с горлом, а с областью материально-телесного низа. Белый мог, например, знать историю про то, как знаменитый врач-гинеколог, профессор Московского университета Владимир Федорович Снегирев (1847–1916/1917) в 1902 году был призван к королеве Сербской Драге Обренович (1861–1903), которая, несмотря на подошедшие сроки и большой живот, никак не могла разродиться. Прибегнув к помощи клистиров, Снегирев добился того, что живот опал, и поставил диагноз — ложная беременность. Бугаевы были с ним знакомы: мать Белого в 1902 году «по совету профессора Снегирева» легла на лечение в его клинику «и с ей свойственной яркостью передавала рассказы, ходившие об изумительных операциях Снегирева, рассказывала, как ругается на операциях он и какое подчас уважение он вызывает, несмотря на ругань, у ассистентов; как он, совершив операционное чудо, на радостях кутит <...>».⁷⁶ Сам же Белый учился в Поливановской гимназии вместе с сыновьями «проф. Снегирева» (НР, с. 291). Как кажется, нельзя исключить, что Белый мог знать от них или от своей матери и про это «операционное чудо».

После Нахрай-Харкалева (В. В. Юнкера) идет Капустин-Копанчик, «автор работы „Отчет по окраске плазмодиев осмиевым препаратом“ (три тома)» (плазмодии — простейшие паразитические организмы), и Шлюпуй, «профессор и автор работы „О действии Леонтодон-Тараксакотум на сокращение кишечника Лутра Вульгарис“» (т. е.: «Влияние одуванчика на сокращение кишечника речной выдры»; тема бессмысленна, ведь выдра — хищный зверек и одуванчиками не питается). Думается, что эти двое, как и бактериолог Бубонев, пришли в роман из студенческих занятий Белого по зоологии: «Круг зоологических дисциплин первым врывается в мое сознание: микробиология (ткани и клетки) — во мне поднимает волну интересов, которым вполне отдаюсь <...>» (НР, с. 386). Но за увлечением пришло разочарование, в котором Белый прежде всего обвинял уже упоминавшегося выше Н. Ю. Зографа и его последователей: «Зограф силился формировать кадр весьма примитивных студентов, одушевленных сидением и собиранием материалов, способных стать раковыми опухолями на

⁷² Белый А. Начало века. С. 66.

⁷³ Белый А. Материал к биографии. С. 66–67.

⁷⁴ Там же. С. 67.

⁷⁵ Н. А. Кожевникова называет эту фамилию одной из тех, в которых «гротескный принцип „смешного смешения“ становится еще более отчетливым при наложении основ друг на друга» — «Глистирченко (глист — клистир)» (Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 245).

⁷⁶ Белый А. Начало века. С. 221.

организме науки» (НР, с. 397). Именно Зограф, по воспоминаниям Белого, заставлял учеников «окрашивать метиленовой синькою иль осмиевым препаратом какой-нибудь усик: год красить, два красить, три красить; разглядывать, вести дневник» (НР, с. 397). Работа с кишечником (таракана ли, выдры ли) также не вызывала у Белого восторга («к чистке кишечников я испытывал равнодушие» — НР, с. 399). Да и упоминается в мемуарах кишечник также исключительно в связи с «крохоборством» Зографа. И микроскоп, и тупое механическое окрашивание «усиков», и «кишечник» становятся у Белого символами псевдонауки; они противопоставляются широкому научному кругозору и высоким научным устремлениям. Примечательно, что в черновиках романа Белый хотел сделать Шлюпя специалистом в еще более «низменной» области, не пиццеварительной, а половой: исследователем действия сока одуванчика на секрецию, а еще раньше — на простату выдры...⁷⁷

Плачей-Пеперчик, которого славили в Гейдельбергском химическом техникуме криком о «пеперчик'с титрирунген», по дороге от черновиков к окончательному тексту романа, как и Айвазулина, сменил специальность. Сначала он появляется как ученый, «чей труд по баллистике (1000 мелкого шрифта страниц) был известен в Германии, Австрии, Чехии».⁷⁸ Потом Белый переквалифицирует его в химика, занимающегося титрованием (нем.: Titrirung), т. е. определением особым способом содержания какого-либо химического соединения в растворе. Здесь, как кажется, писателю тоже припомнились его студенческие мучения, на этот раз — «от прохождения количественного анализа у Дорошевского», заставлявшего его для получения зачета по девяти часам в день просиживать «над взвешиваньем и цежением капелек из титровальных приборов»: «...я споткнулся о часовое подвешиванье крупинок, которые становились просто ведрами растворов; я ж, выпарив их, находил ту ж крупинку, которую снова усаживался перевешивать; смертная скука! <...> Меж двух взвешиваний (данной крупинки и найденной после выпариванья) — скучнейшая, простая реакция, но ужасавшая медленностью разведения вод и выпариваний» (НР, с. 416).

Антоний Грацианович (Антон Григорьевич) Дорошевский (1868–1917) занимался физической химией водноспиртовых растворов. В Московском университете он проработал не так долго: придя в середине 1890-х, он в 1903 году ушел, став заведующим Московской центральной химической лабораторией Министерства финансов. Белый застал его или ассистентом, или приват-доцентом. До профессора Дорошевский не дорос и мировой славы не снискал, но его школу Белый запомнил и описал в мемуарах весьма выразительно: «...четкость и кропотливость, — они только спрашивают: сообразительности — никакой; провиденциальная скука, — таков уж предмет!» (НР, с. 416). Скорее всего, именно он стоял перед внутренним взором Белого, когда Плачей-Пеперчик обрстал научной биографией.

* * *

В заключение вновь вернемся к основному принципу Белого-романиста: смешению исторически достоверного и вымышленного. Анализ сцены юбилея в романе «Москва» позволяет в ряде моментов уточнить и пересмотреть его.

Архивные и печатные материалы, рассказывающие о чествовании в 1900 году Н. В. Бугаева, наглядно демонстрируют, как сильно Белый ориентировался на него при создании сцены чествования Коробкина. Белый в деталях воспроизвел структуру финальной части торжественного собрания, посвященного выходу XX тома «Математического сборника», а персонажи, введенные в роман под своими именами, по большей части действительно были участниками бенефиса Бугаева, выступали с приветствиями от различных научных сообществ, ставили подписи под поздравительными адресами, просто сидели (или могли сидеть) в зале (Б. К. Млодзиевский, Н. Е. Жуковский, Н. А. Умов, Д. Н. Анучин, К. А. Тимирязев, А. П. Павлов, Л. М. Лопатин, П. К. Штернберг и др.).

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 197.

⁷⁸ Там же. Л. 207.

Практически всех их Белый знал лично — как друзей отца и/или как своих преподавателей. Изображение «профессорской Москвы» в романе «Москва» предваряет ее изображение в мемуарах «На рубеже двух столетий» и может рассматриваться как разбег, как своеобразная «проба пера».

Многие персонажи, введенные в сцену юбилея под придуманными, «экспериментальными» фамилиями и кажущися, на первый взгляд, вымышленными, имеют прототипы, полностью или частично покрывающие образ. (Люстаченко — И. Н. Горожанкин, Бубонев — Н. Ю. Зограф, Нахрай-Харкалев — В. В. Юнкер; предположительно: Айвазулина — А. С. Гончарова, Глистирченко-Тырчин — В. Ф. Снегирев, Плачей-Перчик — А. Г. Дорошевский и др.)

В этой связи, видимо, имеет смысл говорить не о двух типах персонажей (исторических и вымышленных), а, как минимум, о трех: исторических, т. е. действующих под собственными именами, вымышленных, т. е. выступающих под придуманными фамилиями и не имеющих даже в потенци никаких связей с реальной подосновой (о них, как правило, ничего, кроме гротескной фамилии, не сообщается), и... реальных персонажах, действующих «под прикрытием», введенных в роман под вымышленной фамилией. Степень замаскированности может варьироваться от минимальной (например, в случае с Коробкиным, биография которого буквально списана с биографии Н. В. Бугаева) до весьма значительной (например, в случае с Айвазулиной / Гончаровой).

В плане смешения реальности с вымыслом и полувывыслом сцена чествования Коробкина показателна, но не уникальна. Этот принцип реализуется и в других сценах «Москвы». Несомненно, при дальнейшем исследовании выявится более объемный пласт реальности, лежащей в основе романа и преобразованной в соответствии со сложным, многоуровневым авторским замыслом и мировидением.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-168-173

Ф. К. СОЛОГУБ. МОНГОЛЬСКИЙ ПАРАДОКС

(ПУБЛИКАЦИЯ © В. В. ФИЛИЧЕВОЙ)

В наследии Ф. Сологуба выделяются два периода, когда работа писателя в области публицистики была особенно плодотворной: статьи 1904–1905 годов¹ и 1914–1918 годов.² Оба были связаны с войнами, которые становились триггером для осмысления устройства мира и страны. В очерках не столько освещались военные события, сколько были представлены вызванные ими размышления писателя о вневременных проблемах (образования, национального характера, бюрократизма, патриотизма, свободы слова и мысли и т. д.), а также его наблюдения над общественными настроениями. Неудивительна поэтому и распространенная форма построения статьи, выбранная Сологубом: отклик на прочитанное³ и услышанное.⁴ Ср., к примеру, названия и подзаголовки статей: «Приятная беседа» (1904), «Лига родителей (Современный разговор)»

¹ См. диссертацию, посвященную этому периоду: *Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба: проблематика и историко-литературный контекст: на материале русских газет 1904–1905 гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

² См. статью и републикацию текстов: *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // *Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы.* М., 2014. С. 15–161.

³ См.: Там же. С. 18; Д. В. Верташов указывает на «газетно-журнальное происхождение» большей части информации для заметок (*Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 110).

⁴ На «диалоговое начало» в публицистике писателя, распространенные в заметках «диалоговые вставки», которые создают «иллюзию обмена мнениями», обращает внимание также Д. В. Верташов, см.: Там же. С. 139.

Моника Львовна Спивак

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Monika Lvovna Spivak

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5308-9780

monika_spivak@mail.ru

**«СВОРА ИМЕН»: ОТ ЮБИЛЕЯ Н. В. БУГАЕВА (1900)
К ЧЕСТВОВАНИЮ КОРОБКИНА
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)**

**«A SWARM OF NAMES»:
FROM THE JUBILEE OF N. V. BUGAEV (1900)
TO THE HONORING OF KOROBKIN
IN ANDREI BELY'S NOVEL MOSCOW (1926)**

Сцена чествования профессора Коробкина в романе «Москва» основана на реальных событиях, в ней отражено празднование Московским математическим обществом выхода XX тома журнала «Математический вестник», переросшее в бенефис Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого. В анализируемой сцене действуют персонажи реальные, исторические (под своими реальными фамилиями) и персонажи с вымышленными именами. В статье выявляется, кто из лиц, участвующих в юбилее Н. В. Бугаева, был введен в роман под своими именами. У ряда героев, действующих под вымышленными фамилиями, определяются их прототипы.

Ключевые слова: Андрей Белый, Н. В. Бугаев, роман «Москва», «Московское математическое общество», журнал «Математический сборник», автобиографизм, прототипы героев.

The episode of honoring Professor Korobkin in the novel *Moscow* is based on real events, reinterpreting the celebration of the publication of the 20th issue of *Matematicheskij Sbornik* magazine at the Moscow Mathematical Society, which grew into a benefit event for N. V. Bugaev, Andrei Bely's father. The characters in the analyzed episode are real people, historical personae (under their actual surnames) and characters with fictitious names. The article lists the participants of N. V. Bugaev anniversary who were subsequently introduced into the novel under their own names. The analysis of the characters presented under fictitious names leads to their real prototypes from the milieu of Professor N. V. Bugaev or Andrei Bely.

Key words: Andrei Bely, N. V. Bugaev, *Moscow* (the novel), *Moscow Mathematical Society*, *Matematicheskij Sbornik* magazine, autobiography, prototypes of characters.

Список литературы

1. Алексеев Л. В., Колесник Е. В. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). М., 1998.
2. Андрей Белый, Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста и комм. Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
3. Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
4. Белый А. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комм. и публ. Т. Николеску. М., 1997.
5. Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989.
6. Белый А. Начало века / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
7. Белый А. Путешествие по Средиземноморью / Сост. С. Д. Воронин. М., 2015.
8. Демидов С. С. «Математический сборник» в 1866–1935 гг. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 1996. Вып. 1 (36). № 2.
9. Демидов С. С., Токарева Т. А. Московское математическое общество: фрагменты истории // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2003. Вып. 8 (43).

10. *Ждан А. Н.* История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885–1922): К 125-летию юбилею МПО // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3).

11. *Кожевникова И. П.* Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии / Отв. ред. Л. Л. Громковская. М., 1989.

12. *Кожевникова Н. А.* Евангельские мотивы в романе А. Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2 (Проблемы исторической поэтики; вып. 5).

13. *Кожевникова Н. А.* Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого // Ономастика и грамматика. М., 1981.

14. Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада.

15. *Маслов К. С.* Между Востоком и Западом: член Московского психологического общества Даниил Павлович Конисси (1862–1940) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 2.

16. *Ота Дзэтаро.* Андрей Белый в Японии: восприятие и переводы // Арабски Андрей Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.

17. *Ходасевич В. Ф.* Аблеуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Сост., вступ. статья, комм. А. В. Лаврова. СПб., 2004.

References

1. *Alekseev L. V., Kolesnik E. V.* Ivan Nikolaevich Gorozhankin (1848–1904). М., 1998.
2. *Andrei Belyi, Ivanov-Razumnik.* Peregiska / Publ., vstup. stat'ia A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada; podg. teksta i komm. T. V. Pavlovoi, A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada. SPb., 1998.
3. *Belyi A.* Mezhdru dvukh revoliutsii / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1990.
4. *Belyi A.* Moskva. Drama v piati deistviiakh / Predislovie, komm. i publ. T. Nikolesku. М., 1997.
5. *Belyi A.* Na rubezhe dvukh stoletii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1989.
6. *Belyi A.* Nachalo veka / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1990.
7. *Belyi A.* Puteshestvie po Sredizemnomor'iu / Sost. S. D. Voronin. М., 2015.
8. *Demidov S. S.* «Matematicheskii sbornik» v 1866–1935 gg. // Istoriko-matematicheskie issledovaniia. 2-ia ser. 1996. Vyp. 1 (36). № 2.
9. *Demidov S. S., Tokareva T. A.* Moskovskoe matematicheskoe obshchestvo: fragmenty istorii // Istoriko-matematicheskie issledovaniia. 2-ia ser. 2003. Vyp. 8 (43).
10. *Khodasevich V. F.* Ableukhovy — Letaevy — Korobkiny // Andrei Belyi: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Andreia Belogo v otsenkakh i tolkovaniakh sovremennikov: Antologiya / Sost., vstup. stat'ia, komm. A. V. Lavrova. SPb., 2004.
11. *Kozhevnikova I. P.* Universitet Vaseda i russkaia literatura // 100 let russkoi kul'tury v Iaponii / Otv. red. L. L. Gromkovskaia. М., 1989.
12. *Kozhevnikova N. A.* Evangel'skie motivy v romane A. Belogo «Moskva» // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Petrozavodsk, 1998. Vyp. 2 (Problemy istoricheskoi poetiki; vyp. 5).
13. *Kozhevnikova N. A.* Zametki o sobstvennykh imenakh v proze Andreia Belogo // Onomastika i grammatika. М., 1981.
14. Lit. nasledstvo. 2016. Т. 105. Belyi A. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniky 1930-kh godov / Sost. A. V. Lavrova i Dzh. Malmstada.
15. *Maslov K. S.* Mezhdru Vostokom i Zapadom: chlen Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva Daniil Pavlovich Konissi (1862–1940) // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2018. Т. 19. Vyp. 2.
16. *Ota Dzëtarо.* Andrei Belyi v Iaponii: vospriatie i perevody // Arabeski Andreia Belogo: zhiznennyi put', dukhovnye iskanii, poetika / Red.-sost. K. Ichin, M. Spivak. Belgrad; М., 2017.
17. *Zhdan A. N.* Istoriiia Psikhologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Moskovskom universitete (1885–1922): K 125-letnemu iubileiu MPO // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2010. № 1 (3).